

Людмила Зотова

Я тоже потеряла ребенка

1.

*Все еще думала, что я богата,
Думала все, что живому я мать.
Господи, Господи, близится плата,
И до конца надо мне обнищать.*

Мать Мария

Жизнь моя проходила довольно спокойно. Какие-то невзгоды компенсировались удачами, в общем, все было сносно. Верующей я не была, но и атеисткой себя назвать не решилась бы. В сложных жизненных ситуациях обращалась с молитвой к Богу, к Божьей Матери, а то и в Храм заходила, поставить свечку. Особо грешной себя не считала, так как видела вокруг себя много греха, от которого сама была свободна; одним словом, я думала о себе, как о неплохом человеке и верила, что Богу нет особого повода сердиться на меня, поэтому Он часто помогает мне осуществлять задуманное. Так прошло 40 лет моей жизни, и у меня не было сомнений, что оставшиеся мне годы пройдут так же, сравнительно ровно. Все основные события, ожидаемые мною в жизни, уже совершены: есть семья, дети, образование. Теперь — дожить жизнь, полагая основные заботы и надежды на детей.

И вдруг жизнь моя опрокинулось. Я полетела в бездну. Неожиданно оказалась выбитой почва из-под ног. Смерть сына — это самое неожиданное и убивающее горе! Не верилось, что это случилось со мной. Ведь Бог, казалось, был на моей стороне всегда! И что же теперь? Как вставать по утрам? Чем заполнять дни, такие теперь нежеланные? С первых же дней я стала искать матерей, уже испытавших на себе это тяжелейшее горе. Мне верилось, что они

постигли тайну преодоления этого невозможного ужаса, раз они остались живы. В них, матерях, похоронивших детей, я искала поддержки. Бог дал мне ее, в том числе и устами моих сестер по несчастью. Встречи с ними были для меня неожиданны, случайны и радостны, насколько это мыслимо в нашем положении. Мы вместе плакали, утешались и были друг для друга роднее родных. И вот, испытав на себе потребность общения с людьми, пережившими подобное, я решила написать для вас, родители, оставшиеся без детей, эту книгу. Возможно, что и вас хотя бы немного утешит все то, что явилось помощью мне, вашей сестре не по крови — по горю. Здесь я хочу поделиться тем, что узнала в этой, теперь уже новой для меня, жизни.

2.

*Не слепи меня, Боже, светом,
Не терзай меня, Боже, страданьем,
Прикоснулась я этим летом
К тайникам твоего мирозданья.*

Мать Мария

Ребенка я родила поздно. Возможно, это стало причиной моего сумасшедшего отношения к нему. Меня переполняла любовь и тревога за его судьбу. Весь мир сосредоточился в маленьком моем солнышке. Дочка, родившаяся через четыре года, имела для меня задачу «разбавить» мою ненормальную страсть. Тесная связь с сынишкой была для меня сильнее всего. Целью моей жизни стало воспитание из мальчика чего-то совершенно необыкновенного и достойного. За дело я взялась рьяно. Часто, не вынося напряжения, срывалась. В один из таких моментов я пошла на свою первую исповедь. Вопрос священника: «Ставишь ли ты Бога прежде всего остального?» — почти возмутил меня. Я знала за собой кое-какие грехи, но не этот! Как можно кого-либо ставить впереди рожденных тобою детей? Я знала, что для меня этот вопрос решался вполне определенно: дети — самое важное в жизни!

Жизнь шла своим чередом, с переменными успехами. Однако я стала больше тянуться к тому, что связано с Богом, понимая, что что-то не ладится в моей жизни. Не веря полностью сама в существование Создателя, детей я все-таки хотела воспитать верующими и поэтому часто вела с ними беседы о Боге, сердцем на них не откликаясь.

Однажды моя знакомая предложила мне привести в Храм, причастить сына. Он был на Причастии пару раз с бабушкой еще в дошкольном возрасте, я же его не водила ни разу. Он, к моему удивлению, согласился с радостью и довольно легко встал рано утром, хотя обычно на каникулах спал подолгу. В тот понедельник ему было тяжело стоять всю долгую службу, и он терял сознание. Но мы не ушли со службы. Посидев на скамеечке и придя в себя, он вновь присоединился к молящимся. Священник принял у него его первую исповедь и дал разрешение на Причастие. У меня же исповедь не принял, что меня тогда, впрочем, совсем не огорчило.

Ровно через две недели после этого, опять же в понедельник, мы с мужем, взяв с собою друга нашего сынульки, поехали на залив. Утреннее солнце сменилось тучами, и мальчишки шутили, что пляж в Солнечном надо бы назвать «Дождливым». И вправду начал накрапывать мелкий дождь. Отступать нам было некуда — электричка в город должна была уйти только через несколько часов. Да и погода, несмотря на моросивший дождик, была очень теплой. Мальчишки пошли купаться — одни на весь пляж. Сильный ветер гнал волны, и ребята

счастливо смеялись. В душе у меня был покой. Мы сидели на берегу и строили планы на будущее. Редкие отдыхающие прогуливались по мокрому песку. Вдруг, сквозь рев волн, рядом с нами раздался крик, который изменил все. Мой сынишка пропал в воде. Муж уже в заливе, плывет, ныряет. Я просто ору, громко молясь, обращаясь с болью к Матери Божьей, впервые в жизни. Верю, что только это может сейчас нас спасти. Собирается народ, кто-то идет в воду, и вот незнакомый парень несет из залива на руках родного, любимого моего сына! Вот — моя жизнь, моя опора, мои силы! Искусственное дыхание, реанимация — смотрю, как на экран. Верю, что сейчас этот кошмар кончится, и все опять пойдет по-прежнему! Вот же он, мой сын!..

Я еще не знала, что в это время душа моего ребенка уже шла своим путем, который теперь разошелся с нашим... Когда ехали обратно вдвоем с мужем, я безотчетно выла, громко, по-животному, я больше не была человеком: я уже не я, не мама своего сынульки. Без него для меня все было невыносимо! Почему Бог так поступил с нами? Он ведь всегда в критических ситуациях был на моей стороне! А в этот момент Он меня бросил. За что? Ведь Ему известно, что сынок — это было для меня все! Это и был мой «свет в окошке»! Подсела к нам добрая женщина, вся в слезах от моего воя: «Милая, не плачь! Ведь и Богу тоже жаль твоего сыночка, видишь, как Он плачет?» Потоки дождя плакали по стеклам вагона...

3.

Ты вознес меня и низверг меня

[Пс., 101, 11]

Бог плачет? Но зачем же Он взял его? За мои грехи? Почему же не меня, а его? Я была МАМОЙ — это самое высокое звание, которое нам в этом мире дается, «награда от Него — плод чрева»! [Пс., 126, 3.]

Я стояла перед Отцом в недоумении и обиде. Это незаслуженно! Я — что называется «ненормальная мать». Я вся отдаюсь детям. Сколько вокруг детей брошенных, мешающих родителям, нежеланных! Я же, не жалея сил, вся отдавалась своим, таким нужным, детям. Особенно сыночку! И что теперь? Я — это он. Меня не стало...

Такие мысли отчаянно окружали меня в первые дни трагедии. Теперь уже я понимаю и вижу некоторые свои грехи, скрытые от меня в то время. Господь требует любви и внимания к Себе от всех Своих творений: «...и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» [Матф. 10, 37]. Любящий Бога более всего, Авраам, «...не пожалел сына твоего, единственного твоего, [для Меня]», — так сказал Господь [Бытие, 22, 16].

И вот до меня уже доходит смысл вопроса, заданного мне Господом через священника: «Ставишь ли Бога прежде всего остального?» Оказывается, все у меня было не так в самой основе! И Бог, ранее пытаюсь меня остановить, счел, наконец, необходимым применить ко мне такую меру. «Бог по особому домостроительству предает нас скорбям, по мере веры каждому посылая и меру испытаний, т. е. телесную болезнь, телесные раны, недостаток необходимого, бесславие, ущерб имени, потерю родных», — объясняет св. Василий Великий [2]. И Бог знает, кого из своих детей и чем надо остановить в их заблуждениях. Ведь меня вряд ли могло остановить что-либо иное, кроме потери самого дорогого для меня!

Второй моей ошибкой, не менее серьезной, был ропот на Создателя. За что ему, моему такому тонкому, ранимому человечку, не дали дожить свой век? Почему же так рано? И как это пережить нам, его родителям? Чем именно мы так не угодили Богу в этом мире, мире греха? В ропоте не будет утешения, выхода из горя. Горе принято. И надо хорошенько осмотреться — а что же делать теперь? «Когда пришла беда, то ее не сбросишь, как тесную одежду, надо перенести. По-христиански ли ты перетерпишь ее или не по-христиански — все же перетерпеть неизбежно, так лучше же перетерпеть по-христиански», — уверяет св. Феофан Затворник [2]. Это наш крест, данный нам в руки Иисусом Христом по Его усмотрению. Мы его обязаны нести дальше по жизни. И, как пишут святые отцы Церкви, «ропот и малодушие — тоже крест... но крест отверженного разбойника» [2].

Размышляя таким образом, все свои мысли я уложила в два основных вопроса:

— Что теперь с нашим бедным мальчиком?

— Как нам быть дальше в этой новой жизни?

4.

А у вас и волосы на голове все сочтены

[Лука, 12, 7]

Через несколько дней я впервые открыла Новый Завет. Читала и плакала, не понимая практически ничего. Но это уже был первый шаг в совсем новой жизни. Совсем другой. Бог дал испытание, но и Бог же стал давать сил для его перенесения.

Пожалуй, я впервые физически убедилась в существовании души, по крайней мере — собственной. Бог дал мне крепкое здоровье, подорвать которое не смогла даже такая трагедия; но в душе я чувствовала ужасающую боль. Когда она переполняла какую-то невидимую мне емкость, она истекала слезами и криками, а затем концентрировалась опять. И тут я поняла, что ни один мой материальный орган не болит, но я ощущаю при этом физическую боль неизвестного мне органа! Это и есть душа? Наверное, она давала мне знать о себе и в минуты радости, но мне удобнее было не думать о ней. А теперь она разрывалась от боли и именно она требовала лечения.

Примерно через год после своего открытия подтверждение, почти дословное, я прочла у диакона Андрея Кураева: «Душа — это то, что болит у человека, когда все тело здорово. Ведь говорим же мы (и ощущаем), что не мозг болит, но сердечная мышца — душа болит» [17]. Как важно было для меня это теоретическое подтверждение моего практического опыта! Но вылечить больную душу может только Создатель духовного и материального мира. Именно у Него и необходимо искать исцеления! «И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя», — говорит Господь в Псалме 49 (ст. 15).

Пожалуй, первое утешение пришло сразу же с этим открытием. Если существует душа, не видимая глазом, но живая, то она есть и у сыночка! И смерть его тела совсем не обязательно

связана со смертью души. В этом хотелось разобраться. И все, что мне удалось понять, я хочу рассказать вам.

Но, прежде всего, мы должны понять, убедиться, поверить в то, что Библия — это действительно слово Божье и верно в нем, следовательно, каждое (!) слово. «Убедиться в Божьем происхождении Священного писания можно одним средством: надо слушаться этого учения, жить по его правилам, отведать и вкусить это учение на опыте, тогда убедишься, что оно не простое, а Божественное». [3, с. 9]. Все мои дальнейшие рассуждения основаны на полном доверии к слову Божьему.

5.

...в который час не думаете, придет Сын Человеческий

[Лука, 12, 40]

Самая большая тревога в душе была от мыслей о дальнейшей участи сына. Его смерть казалась бессмысленной, напрасной.

«Родился ребенок, его воспитывали и учили, а он умирает, не успев ничего в жизни сделать», — прочла я свои мысли в книге священника Петра Калиновского [16]. Почему так рано, несвоевременно ушел человек, который мог бы принести в этот мир столько хорошего?

Но вот вижу у Святых отцов:

«Преждевременная смерть похитила чудесного человечка. Сколько пользы и добра мог бы он принести. Да нет же! Это наша точка зрения, но не Божья. Что несвоевременно для нас, Бог счел своевременным. Это его план. Нам остается лишь гадать, почему Бог счел его душу уже выполнившей свои задачи, уже “созревшей”» [16].

Избежать смерти, предусмотренной Божьим Промыслом, невозможно. По зову смерти уходят бедные, богатые, умные, глупые, старые, молодые. «Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?» [Пс., 88, 49]. Рождая детей, мы уже знаем, что и у них, как и у всех земных людей, будет смертный, неизбежный час. «Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его». [Пс. 102, 16].

Нам, людям, не дано знать, когда должно наступать «время родиться, и время умирать» [Екк. 3, 2]. Об этом времени, об этом дне знает лишь Создатель. «...день Господень так придет, как тать ночью» [1 Фес. 5, 2], часто для нас совершенно неожиданно.

Еще в XIX веке архиепископ Иннокентий Херсонский, приводил такую статистику: «Почти четвертая часть людей для того токмо, по-видимому, и рождается, чтобы умереть, не оставив следа бытия своего, кроме только разве в растерзанном скорбью сердце родителей... многие умирают, не выходя на свет. Из оставшихся жить едва третья часть достигает юношества, и едва половина переходит за середину жизни». По данным американской статистики наших дней, ежегодно 65 тысяч детей в возрасте 18 лет и моложе умирают в их стране; 30 тысяч — молодых людей в возрасте от 19 до 25 лет. И все они — чьи-то дети!

«Всему есть сроки и время — смерти нет». Господь знает, когда наступает пора перехода в жизнь вечную каждого из Его детей. «Кто советник Ему?» [Рим., 11, 33]. Сталкиваясь с фактами смерти, мы можем лишь предполагать причины, побудившие Создателя забрать конкретного человека в конкретный час.

Многие богословы и отцы Православной Церкви пытались объяснить сроки прихода смерти. «Смерть посылается на тех, которые достигли предела жизни, который от начала положен в праведном суде Бога, издавек предусмотревшего, что полезно для каждого из нас», — говорил св. Василий Великий [2]. На исповеди, после страшного удара в моей жизни, я также задавала вопрос, почему же Бог взял не меня за мои грехи, а именно его, маленького мальчика? На это я получила ответ: «А ты не спеши, значит, твоя душа еще не готова предстать перед Богом, а его — уже созрела». «Зрелый плод! Прямо к столу Господню!», — говорил и свт. Феофан Затворник [6]. А священник Петр Калиновский так пытается объяснить раннюю смерть детишек: «У смерти есть свои внутренние причины: внешние факторы — болезни и несчастные случаи — ведут к смерти тогда, когда дальнейшее существование уже не имеет для души смысла» [16].

Подтверждение этому я позже встретила у архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого): «Жизнь всех органов тела нужна только для формирования духа и прекращается, когда его формирование закончено... Тело необходимо для деятельности души, но не для жизни» [9]. Попытку объяснения ранней смерти ребенка находим в утешении родителей святыми отцами: «Мы не знаем, что бы его постигло в продолжение жизни его, и, может быть, еще болезненнее было бы для вас видеть его в возрасте в каком-нибудь горестном и несчастном положении. Но Богу все известно» [4].

Часто приходили в голову мысли о случайности происшедшего: могла ли я предотвратить этот несчастный случай? Все ли я для ЭТОГО сделала? Господь обладает Высшей Силой, Он управляет материальным, душевным и духовным мирами. И все, что происходит, — это не случай, а целенаправленная воля Божья. «Нам кажется, что бедствия — это дело слепого случая или дело природы, и мы бессильны перед этим. Это чувство бессилия вызывает отчаяние. А если мы будем знать, что выше силы природы, выше человеческого произвола существует Высшая Сила — Отец Небесный, Творец и Создатель мира, то в нашей душе не может быть отчаяния», — писал архимандрит отец Борис (Холчев) [18].

Утешая родителей, неожиданно потерявших сынишку, Святые отцы также говорят о том, что здесь имеет место вовсе не случай, ведь «...другие дети, бывшие с ним, остались невредимы, а только он один подпал смертной участи» [4]. Но как нам не хочется верить ни в такой, как нам кажется, случай, ни в такой Промысл Божий, как хочется его избежать! Известны такие факты, когда близким удавалось молитвами продлить жизнь ребенка, получив отсрочку для прихода смерти. Тем самым мы защищаем себя от тяжелого бремени потери любимого существа, но его оставляем на испытания, от которых Господь хотел бы избавить это создание. Вот несколько примеров.

Незадолго до своей трагедии, я услышала по радио рассказ Л. Толстого «Легенда о матери», который до сих пор безуспешно пытаюсь найти изданным. В нем говорится о матери, потерявшей младенца. С ропотом и отчаянием она взывает к Богу, почти требуя ответа за эту несправедливую смерть. Ведь малыш ни в чем не виноват, он только вышел на порог жизни, за что же его? Тогда Господь, сжалившись над ней, дает видение, в котором она узнает возможное будущее сынишки — полная его безнравственность, бесполезность. Бог, по Своей милости, избавил пока еще невинного человечка от неизбежного греха, ожидающего впереди. Тем самым Он не допустил для малыша действительной смерти — смерти души.

Очень похожая история произошла с госпожой Рылеевой, которая многократно излагала ее в кругах своих знакомых. Во время безнадежной болезни ее трехлетнего сынишки она вымаливала у Бога жизнь для горячо любимого ребенка. Ей в видении была открыта виселица, на которой закончит свой жизненный путь ее сынок, если достигнет зрелого возраста. Но отчаяние было так велико, что мать соглашалась на все, лишь бы не оставаться в тот момент без сына, хотя бы еще на какой-то срок. Молитвы ее были приняты, сын остался жить до тех пор, пока жизненный путь не привел его к неизбежной виселице.

В книге «Смерти нет» [3] приведен такой рассказ:

«В одной высокопоставленной семье в Петербурге умирал единственный сын, мальчик лет четырех. Положение было таково, что врачи, окружавшие постель больного, объявили его совершенно безнадежным, даже заранее определили час его смерти... В эту ужасную ночь мать стала молиться одной из трех молитв, когда от Бога требуют чего-нибудь как от наемника, когда не только умышленно забывают, но и намеренно вычеркивают чувство смирения перед Божией волей. Молитва была услышана. Мальчик остался жив. Но дальнейшие обстоятельства показали, что было бы лучше, если бы мать смирилась и отдала Богу своего ребенка добровольно, когда Он его к Себе призвал... Из него, как говорится, ничего не вышло... И немного за 30 лет, никому не нужный, он скончался от болезни почек, приобретенной в результате алкоголизма, без ведома матери, которая его когда-то вымаливала».

И вот еще один рассказ Александра Добровольского [14], приведенный в сокращении, — «Сережа»; он заметно перекликается с рассказанным выше. Здесь опять та же страстная, искренняя молитва не дала уйти из жизни малышу. Привело ли это его к счастью? Не случайно эпиграфом к рассказу стоит: «Да будет воля Твоя».

«...Сережа был младшим и последним мальчиком в нашей семье. И вот случилось, что в нашу жизнь вошло что-то непонятное, страшное и тяжелое. Мама сказала мне, что Сережа болен, чтобы я не подходил к нему и не беспокоил его. Мне сказали, что у него воспаление легких, что это очень тяжелая болезнь, и чтобы я больше молился за Сережу Богу-

И вот наступил один вечер. Я прошмыгнул к Сереже и встал около него. Я смотрел на него, и чем больше я смотрел на него, тем мне делалось страшнее. Сережа меня не видел. Его глаза были открыты, но они ничего не видели. Он не дышал, а хрипел. Я не мог больше смотреть на него и стал отходить от него. Мама говорила, закрывая лицо руками, что Сережа умирает, она все плакала. Вдруг отец сказал: «Ну, что же теперь плакать! Надо подумать о том, как и где заказать гроб». Меня охватил такой ужас, что я убежал — «Сережа умирает, Сережа умирает!» Я прибежал к себе и упал на пол перед Вариной иконой Казанской Божьей Матери. Я даже не молился, а только рыдал. Потом из моего отчаяния стали складываться бессвязные слова — молитва. Не подымаясь с колен, я все просил: «Господи, Господи, пусть Сережа не умрет! Господи, сделай, чтобы он стал здоровым, чтобы он не умер!» Я видел только икону Божьей Матери. Все остальное пропало. Я подымал голову и опять склонялся в плаче и отчаянии. Я уставал, но стоило мне на секунду приостановить свои просьбы к Богу, как я задыхался от ужаса и просил, просил... «Господи, Господи! Скажи, чтобы Сережа не умер!»

Наконец, я изнемог. Я поднялся с пола. Я едва ступал. Ноги не держали меня... Я пошел к свету, к Вариному столу. На столе перед лампой лежало Евангелие. Я безотчетно раскрыл его

и прочел: «Иди, и как ты веровал, да будет тебе». Я еще не понял, что случилось. Я пошел туда, к Сереже.

А через три дня он уже сидел в кровати. Как я был счастлив, как я радовался! А Сережа?

С этого года Сережа прожил еще около 40 лет, но большая половина его жизни прошла далеко от меня. Мы взрослые. Мы пишем стихи. В них пока еще он обращается ко мне, но он мне непонятен.

*Лучшему другу, безмерно любимому.
Мой из могилы привет.*

Он пишет:

*Мне приснилось сегодня, что я умирал,
Отчего и когда, я не помню теперь.
Но таинственный миг для меня наставал.
Смерть сходила ко мне...*

Что открылось ему в явлении смерти? Почему он не мог ее забыть? Почему снова и снова звал ее? При всех своих необходимых достоинствах: красоте, уме, удивительно мягком и добром характере, он не привлекал к себе людей, а как бы отталкивал их от себя. Точнее, он носил в себе такое знание, которое делало его чужим для всех. Очень скоро он потерял веру в Бога. Что же ему оставалось? Более тридцати лет его морили по тюрьмам, гнали без остановок и сроков по всем русским пустыням, преследовали безжалостно, мучили, мучили и, наконец, убили. Может быть, любовь Божья оградила бы Сережу от этих ожидавших его страданий, когда бы в тот вечер Бог взял его — юного отрока — к Себе. Но почему же Бог не отверг мою молитву?

Нам ли знать судьбы Божьей? Мне ли упорствовать в своей воле?

*Господи, не внимай сердцу моему,
Не внимай словам молитвы моей,
Не сотвори по воле моей,
Но сотвори то, что угодно Тебе,
Что избирает и назначает для нас
Всесвятая воля Твоя!»*

Все приведенные примеры свидетельствуют о мудрости Божьей. «Не следует, однако, делать вывод, что Бог забирает рано лишь людей, которые в дальнейшем могут принести только беды и разочарования себе и близким. У Бога есть много поводов для трагического вмешательства Божьего Промысла в жизнь детей..., и если Он, «...решает призвать человека в детском или юношеском возрасте, то на это у него, значит, есть веские причины» [3]. Надо всегда помнить, что Бог слишком совершенен, чтобы допускать бессмысленные ошибки. «Смерть есть факт несомненный. Скажи, есть ли какой смысл в нашей жизни, если она кончается здесь, в то именно время, когда душа исполняется зрелостью и жаждет разумения? Есть ли какой смысл во всем добром и великом, если нет Бога, ибо тогда ведь не останется разницы между Добром и злом... Верь, что отрицать Бога и принять эти выводы о добре и зле, о бессмысленности жизни никто искренно и продуманно не может, и глаголы отрицания у людей — одно бахвальство и желание отделаться от укоров совести» [19].

Итак, то, что нам кажется чудовищной несправедливостью, Бог видит со всей ясностью и ошибки в Его планах по отношению к каждому из нас, повторяю, быть не может. Бог отвел такой удел в жизни нашего любимого усопшего человека. По такому пути повел нас, оставшихся пока, несмотря на наше нежелание этого пути. Но «как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших.» [Исаия. 55, 9]. Промысл Божий существует для каждого человека, несмотря на то, многие охотно отказываются признать его существование, полагая, «...что все происходящее с ними есть или плод их благоразумия, или дело внезапности и случая, признание невозможности изъяснить что-либо сими причинами для них кажется постыдною слабостью ума» [10], — говорил архиепископ Иннокентий Херсонский.

6.

*...Мне же дай мое сердце смирать,
Чтоб Тебя и весь мир Твой принять.*

Мать Мария

Нет, не слепой случай, а именно Бог преднамеренно забрал ребенка к себе, именно Бог «решил прервать жизнь на этой ступеньке» [6]. Поэтому мы должны смиренно встретить приглашение детишек в Царство Любви. «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» [Марк 10, 14]. Значит, наши дети пошли в это Царствие, как им и обещано. Когда эта мысль, наконец-то, приходит в сердце и принимается им, охватывает ласковое успокоение — если ребенку хорошо теперь, о чем же так сильно горевать? Если есть жизнь за пределами нашей жизни, это значит, что ребенок продолжает жить, только, по обещанию Божьему, в лучших условиях. «Ребенок умирает, не успев согрешить, и в загробном мире его душа должна быть счастлива» [16], — говорил свящ. Петр Калиновский. И очевидцы жизни внеземной, каким является Апостол Павел, восхищенный на Небеса, не нашел слов, чтобы описать внеземные радости, приготовленные Богом для Его детей.

В сердце человека Создатель вложил желание жить — это первое указание на бессмертие души. Бессмертная душа не умирает вместе с телом, именно душа является образом и подобием Бога, наследуя бессмертие. Св. Феофан Затворник утешает мать, потерявшую дочь: «Не воображайте ее в могиле, ее там нет, там ее тело, но она вне и теперь, может быть, около вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена возможности говорить вам в сердце: “Мамочка! Не тужи и не убивайся! Я с тобой, и мне очень хорошо!”». В другом письме он пишет: «К довершению горя думаем: умер, не стало... А он и не думал переставать быть... И все так же есть, как был вчера, накануне смерти, только ему худо было, а теперь лучше» [6]. Мудрый Создатель не мог допустить несправедливости, а «смерть ребенка была бы не только несправедливой, но и бессмысленной, если бы она оказалась концом его существования. Но бессмысленности в природе нет» (свящ. Петр Калиновский [16]). Бог вдохнул в человека Свой дух, поэтому дух должен вернуться к Создателю.

Вздыхая о ранней смерти, мы не задумываемся, что, не узнав земных радостей, человек мало теряет, если получает радости небесные. Да и какая цена радостям земным, тому, что мы называем радостями? Вот еще из письма св. Феофана Затворника: «Что у вас была за молитва при смерти брата? Господи, подыми его. Выходит по вашим словам, что жизнь здесь счастье, а смерть — дверь страданиям. На деле же смерть — дверь в отечество для блаженной жизни. И

спрашивать надо: зачем оставаться здесь? или — слава Богу, наконец, отбыл домой! Зачем взят брат? Затем, что заслужил покой... а вы еще потерпите» [6].

Мы должны помнить, что «наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа» [Флп. 3, 20]. Мы — подобие Божие, и, «если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших во Иисусе Бог приведет с Ним» [1 Фес. 4, 14]. Если мы принимаем благовест от Бога, что смерти вообще нет, наша скорбь приобретает совсем иные оттенки, в которых отсутствует безнадежность. У диакона Андрея Кураева, как бы переключаясь со св. Феофаном Затворником, есть сравнение смерти с дверью, то есть, смерть — это вход, переход куда-либо. «Жить в двери нельзя — это верно... Но есть еще жизнь за ее порогом... Я не умер — я вышел» [17].

Мой ребенок — вышел, вышел в другую форму жизни, в которую иду день за днем и я, в которую идем мы все. Все войдут через эту дверь в вечную жизнь или в вечную нежизнь — в зависимости от нашего выбора здесь.

Не могу не привести отрывок из заметок митр. Сурожского Антония: «Православие и Западный мир»: «Мы о смерти всегда думаем как о разлуке, потому что мы думаем о себе и об усопшем; мы думаем о том, что никогда больше не услышим любимого голоса, никогда больше не тронем любимого тела, никогда не погрузим свой взор в дорогие нам очи, — никогда не будем больше жить вместе с человеком той простой человеческой жизнью, которая нам так дорога, которая так драгоценна. Но мы забываем, что смерть является, одновременно, встречей живой души с живым Богом. Да, уход от земли, уход от нас, хотя бы относительный, но уход с тем, чтобы стать лицом к лицу с живым Богом, с Богом жизни, и вступить в такую полноту жизни, которая никому не доступна на земле. И вот об этом, сквозь слезы, с раздирающим от собственной боли сердцем, мы можем радоваться за другого человека... — «Жизнь победила» [12].

Попробую затронуть еще одну сторону потери близкого человека. Для меня одним из самых тяжелых событий была потеря его тела. Сколько любви и заботы я в него вкладывала от самого момента рождения! И теперь это тело уже не нужно, не нужно и все, что приобреталось с такой заботой для этого тела. Кроме того, вместе с телом теряется и наша связь с любимым умершим человеком. Души, облеченные в тела, не общаются с бестелесными душами, несмотря на всю невероятную силу любви. И мы, христиане, любившие это тело при жизни, так же бережно и с любовью укладываем его по окончании жизненного пути. «Для восточного мистицизма тело человека — лишь тюрьма для души... Для христианина тело — храм души. И верим мы не только в бессмертие души, но и в воскресение всего человека. Потому и появились на Руси кладбища: семья бросается в землю, чтобы с новой космической весной взойти», — читаем мы у диакона Андрея Кураева [17].

Писания и предания обещают нам, что все мы, живущие на земле, увидим Воскресение: все люди восстанут и придут к Богу в телах, но в телах измененных. «С каким телом воскреснут люди? С телом, похожим на настоящее, но лучшим его. Сколько из настоящего тела войдет материи в новое тело, Писание не определяет, и мы сами определить не можем. Для нас довольно знать, что тело это будет подобно прославленному телу Иисуса Христа, а лучше этого образца и желать не нужно... Апостол Павел подробно описывает качества нового тела [1 Кор., 15, 32-58]. Он называет это тело духовным, без сомнения потому, что оно будет слишком тонко и не тленно» (архиепископ Иннокентий Херсонский).

Маленькие люди, живущие внутри матери, проводят там целый жизненный этап. Это полноценная жизнь, имеющая тепло, питание, тесную связь с матерью, отдаленные

представления о какой-то «иной жизни», прорывающиеся через тело матери (голоса, звуки музыки, запахи и т. д.) И вот приходит момент необходимости перехода в другой мир, кажущийся нам теперь таким важным, едва ли не единственно реальным. И этот переход воспринимается младенцем, очевидно, подобным смерти: режущий свет врывается в глазки, ничем более не сдерживаемый шум давит на нежные ушки, страшный поток воздуха обжигает легкие, меняется тело — отделяется плацента, пупочный канатик — это катастрофа и смерть, но лишь для той жизни, которой жил малыш до сего момента. Для нас же, родителей, это — счастье рождения нового человечка, подобного нам. И вот наступают дни равноценного общения с ним. Человек пришел в жизнь своих родителей. Позже станет понятно, что эта жизнь — еще один этап, переход к настоящей жизни, приготовленной нам Создателем. И опять — изменение тела, оставление очередной «плаценты», отделение очередного «пупочного канатика» связи с родными, яркий новый Свет, новые звуки, новые ощущения будут пугать в начале перехода. Но это — переход к Отцу, в вечный Дом. И там встречает нас любящий нас Отец, без сомнения, с не меньшей радостью, чем мы встречаем на земле своих детей. И оставленное на земле тело перешедший в новую жизнь не вспоминает так же, как и новорожденный не плачет о расставании с плацентой. «Душа пользуется телом... как музыкант пользуется своим инструментом. Если струна порвалась, мы уже не слышим музыки. Но это еще не основание утверждать, что умер сам музыкант», — так диакон Андрей Кураев, на мой взгляд, очень точно подводит итог нашему расставанию с телом дорогого человека [17].

7.

В мире будете иметь скорбь.

[Иоанн, 16, 33]

Настало время поговорить о возможных утешениях в нашем страшном горе. Но мне кажется, что предыдущая глава уже частично является указанием на путь к утешению — вера в Бога. Если верим, то знаем, что далее жизнь продолжится, — как обещает Писание [1 Фес., 4, 13-14]. «Скорбь по умершему — неверие, язычество. Надо прийти к христианскому ощущению реальности Царства Небесного», — развивает эту мысль свящ. Александр Ельчанинов. Мы знаем, что ребенок наш не оставлен сиротой, он — с Отцом, он — в любви. Ранеными остались мы. «Самая острая боль по умершем есть скорбь о себе, эгоистичная личная боль» [20]. Но нам надо продолжать путь на земле до часа, назначенного нам Господом. И вовсе не безразлично, в каком состоянии мы пойдём по своему пути.

Еще из Святых отцов: «Если кто с благодарением и мужеством перенес утрату любимого, то назовут его любомудрым и великодушным и будут прощены ему его многие прежние грехи» [2].

Итак, нельзя нам отчаянно предаваться скорби. Поддержку, утешение мы найдем, положившись на Господа, приняв каждое слово Писания, сказанное Господом для нас. «В день скорби моей приклони ко мне ухо Твое» [Пс. 101, 3], — просим мы у Бога. Да Господь и не скрывал от нас печального пути, уготованного нам на земле: «в мире будете иметь скорбь, но мужайтесь» [Ин. 16, 33]. Значит, скорбь — это необходимый удел детей Божьих. «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами.» [Евр. 12, 7], «ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби» [1 Петр., 2, 19]. Зачем же Господь, посылая нас

в этот мир, дает обязательное прохождение через скорби и лишения? Разве не для радости создана эта земля? И вообще, разве может Творец желать тяжелых испытаний Своим любимым творениям?

Вот что об этом говорит святитель Феофан Затворник: «Бог на блаженство создал твари и утешается ими. Как же скорби? Скорби, страдания, беды — путь к блаженству. Утешается Господь и скорбящими, потому что они идут прямо к блаженству. Блаженство через скорби и страдания: таков закон, Бог и благоволит к страждущим, и помогает страждущим не избавиться, а претерпевать. Избавление от страданий есть исключение из общего закона» [2].

Да, скорбный путь тесен, но в конце его ожидает нас великая радость. Чтобы лучше это понять, вспомним, как в начале школьного пути мы часто отрываем детей от легкого и приятного для ребенка занятия и заставляем решать трудные задачи из учебника или просто прививаем ребенку какие-либо полезные навыки в ущерб приятным забавам, зная при этом, какой полезный результат получится от этого трудного занятия. Так же и Отец наш через евангелистов предупреждает нас: «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» [Мф. 7, 14].

Нельзя забывать: за этими вратами — жизнь! Смерть пришла к человеку через согрешившего Адама: «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть» [Рим. 5, 12], «и сделались входы века сего тесными, болезненными, утомительными, также узкими, лукавыми, исполненными бедствий» [3 Езд. 7, 12], через Сына Божьего пришло спасение, пришла жизнь [Рим. 5]. Надо помнить, что наш удел — не в этой жизни [Пс. 16, 14]. Но путь к этой жизни показал нам Христос. «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» [1 Петр. 2, 21].

Идя за Христом, следуя Его примеру, мы сможем в конце пути увидеть свет Жизни. Пример же Его — терпеливо нести по жизни свой крест. «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» [Мф. 11, 29]. И только в смиренном несении своего креста — наше спасение. «Постигли беда и горе, уже несешь крест. Сделай же, чтобы сие несение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы переставлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположениях сердца» [2], — говорит святитель Феофан Затворник. К крестам, выпадающим на долю детей Божьих, он причислял «скорби, беды, несчастья, болезни, потери близких» [7].

Итак, потеря наших детишек — это наш крест, который мы должны нести смиренно по жизни. Так о нас решил Господь. «Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду» [Иерем. 29, 11]. От нас в этой ситуации требуется, по примеру Господа, терпение и смирение. «Терпением спасайте души ваши» [Лк. 21, 19].

Скорбный путь проходили все последователи Христа, все они — многоболезненны сердцем].

Скорби преследовали царя Давида, восклицающего в Псалмах: «Слезы мои были для меня хлебом день и ночь» [Пс. 41, 4]. Апостол Павел работал Господу «со всяким смиренномудрием и многими слезами» [Деян. 20, 19]. Значит, мы — не исключение на этом скорбном пути. А вот переносить выпавшие нам скорби можно по-разному. «Ибо в горе бывает так, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе и только горюет... Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами как следует и пропускают время благоприятное и день спасения»

[7., с. 67]. Святые отцы Церкви советуют смирять свое сердце, претерпевая скорби. «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» [Пс. 50, 19]. В суете жизни мы потеряли Отца своего, но мы вернемся к Нему в минуты скорби, как блудный сын вспомнил об отце, лишь потеряв все, представляющее для него ценность.

Скорбящие на земле приходят к небесным наслаждениям, «сеявшие со слезами будут пожинать с радостью» [Пс. 125, 5]. Перенести окружающие нас скорби нам поможет память смертная. Полезно помнить, что скорби, как и все остальное в этой жизни, окончатся. «Придет Господь Иисус, воздвигнет тебя от одра скорби, освободит тебя от терзаний... Каждый минувший час приближает нас к тому времени, когда Спаситель должен известить нас от мрака и смерти и привести для вечной радости — в обитель Отца, и когда печали и воздыхания навсегда прекратятся», — утешают нас Святые отцы и Писание. «Ты не будешь много плакать» [Ис. 30, 19], «и отрет Бог всякую слезу с очей их» [Апок. 7, 17]. Время скорбей закончится, «Мы недолго будем терпеть, ибо настоящая жизнь недолга» (Св. отцы [2]); однако, уже и на этой земле Господь посылает и будет посылать нам утешения, поддерживая нас в скорбях. Ведь «Господь не оставляет нашей души ни в постоянном покое, ни в продолжительной скорби» (Св. отцы [2]). А «если кто не падет под скорбью (особенно об усопшем), но в надежде на Бога несет бремя печали, то за терпение ему готова великая награда от Бога» (Св. отцы). Скорбями Господь зовет нас к Себе, «найдете покой душам вашим» [Мф. 11, 29]. Эта истина находит постоянное подтверждение в жизни. «Как много людей, одержимых скорбями..., только лишь во Христе нашли себе мир и покой» [1, с. 12].

Эти слова казались мне невероятными в начале моей перевернутой жизни. Трудно, невозможно было поверить, что что-либо в силах вытащить меня из этой ямы отчаяния. Теперь, оглядываясь на эти, почти два года, вижу такие реальные изменения в душе! Все это — благодаря помощи от Бога. Я взывала к Нему молитвами. «...только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду. И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщете Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим. И буду Я найден вами...» [Иерем. 29, 11-14]. Да, за все это время в душу столько раз вкрадывались сомнения в любви Бога ко мне, внушаемые врагом человеческим. Но теперь во мне присутствует ясность того, что, если мне не дано знать плана Божьего Промысла обо мне, то я просто должна доверять Ему: доверить себя Спасителю, доверить Ему свое (а точнее — Его) самое ценное сокровище — детей. В самые отчаянные минуты читала книгу Иова. «Чтение книги Иова всем полезно и служит утешением в самых тяжких и продолжительных бедствиях» [2], — узнала я позже советы Святых отцов. На себе я испытала, как после такого чтения приходили слезы облегчения, вытесняя отчаяние. «Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться» [Иов, 13, 15]. Вот в такой безграничной надежде, в таком безусловном доверии к Богу — наше спасение!

8.

*Страдания привели ко Христу многих из тех,
которые прежде не думали искать Его*

[1, с. 13].

Христа я искала молитвами. Едва оставалась одна, начинала борьбу с мрачными мыслями. Молитвы оказались самым верным средством этой борьбы. Я молилась беззвучным криком, исходящим из глубин отчаявшегося сердца, я взывала к Богу, к Божьей Матери с мольбой об

утешении, о даровании терпения, сил перенести страшную беду, молила об упокоении сынишки в месте беспечальном. Читала канонические молитвы Православной Церкви. Как только заканчивала молитвословия — темное отчаяние опять затягивало душу. И всюду, где бы я ни находилась — на улице, в транспорте, дома, — я отгоняла его молитвами.

*Я изнемогла в неравной битве,
Как к ручью, припала я к молитве.
Вновь меня молитва воскресила!
<Бог дал Крест — и Он же подал силы...*

Пока еще не могу сказать, что справилась с болью навсегда. Нет, она постоянно ищет свободного места в моей душе. Но у меня теперь есть верное лекарство от нее! «Во время печали надобно отвлекать мысли от предмета печали и занимать ум и сердце молитвою. Не должно смущаться тем, что в сих обстоятельствах молитвы несовершенны» [2], — так позже я нашла у Святых отцов подтверждение того, что я на верном пути. Свт. Феофан Затворник, как будто специально для нас, сражаемых скорбью и унынием, говорит: «Против беса уныния в соединении с духом скорбным необходима молитва: “Господи, виждь скорбь мою, и помоги мне грешному, и не попусти выше силы моей искушение!” Должно побуждать себя к молитве, чтению, рукоделию» [6].

Иногда скорби так одолевают, что нет сил приступить к молитве, однако очень важно сделать это, пусть и через силу. Нельзя давать врагу нашему господства над нами! Митрополит Антоний Храповицкий, говоря о часто встречаемых на исповеди случаях, приводит такой пример покаяния: «...меня огорчают бедствия, не от меня зависящие, — обиды от родных, болезнь детей и недавняя смерть одного из них, я нигде, ни в чем не нахожу утешения и не могу молиться, подавляемый скорбью... тоска и горе грызут мою душу, и я ни в чем не могу найти себе утешение».

Но уныние тогда особенно и греховно, когда оно отвергает Божье утешение... В таком состоянии души уже участвует греховное чувство, именно непокорство Промыслу, гнев, если не прямо на Бога, то всегда богопротивный, приближающийся к ропоту. «Убойся такого состояния и проси у Бога прощения и помощи: тогда отойдет от тебя и самый дух уныния, и душа твоя не будет отворачиваться от утешения». Если скорбящий человек поступает подобным образом, то «совсем прогонишь от себя дух уныния... а потом научишься и других утешать в бедах и скорбях» [19].

Итак, молитвы для нас — помощь от Бога, утешение от Него. Молитва помогает побороть не только чувство безысходного отчаяния, но и привычное, подавляющее чувство уныния. Это очень опасное чувство, не дающее нам видеть милость и любовь Божью. Уныние и отчаяние гнетут «после грехов непоправимых, например: детоубийство или истребление плода, причинения кому-либо непоправимого вреда, несчастья, и иногда люди подвергаются унынию по причине собственных горестей — смерти детей, почитаемой наказанием Божиим за прежние грехи...» [19]. Надо помнить, что эти чувства «всегда имеют в себе скрытый яд гордыни или самолюбия, как бы начаток некоего ропота и укоризны Промыслу, что попустил тебе впасть в беду или грех». Будем же с помощью молитвы бороться в себе с этими тяжелыми, греховными чувствами, не дадим им овладеть нами!

Будем помнить и то, что молитва нужна не только для нашего утешения и укрепления. Наши молитвы нужны любимым, отошедшим в мир иной. «Тамошние ощущают, когда от сердца молятся о них. И это служит для них великим утешением... и отрадою» (из письма свт. Феофана Затворника). Кроме того, через молитву за умершего осуществляется наша связь с

ним. «Молясь об умерших, мы упражняемся в ощущении нереальности этого мира (ушла его дорогая нам часть) и реальности мира потустороннего, действительность которого утверждается нашей любовью к отошедшим» (свящ. Александр Ельчанинов [20]). Давайте же пользоваться теми средствами, которые предлагает нам Бог!

9.

*...это те, которые пришли от великой скорби;
они омыли одежды свои.*

[Апок., 7, 14].

Я рассказывала о том, что мне помогает держаться в этой жизни дальше. Еще есть одно направление, помогающее не падать, во всяком случае — мне. Это примеры других матерей, переживших потерю детей. Таких немало. Мы в своем горе, к сожалению, не одиноки.

Этой теме я касалась немного ранее. Теперь хочу поговорить подробнее.

Примером, незабываемым для нас, является Мать Божия. «...И Она, одинокая женщина, когда-то шла за трагическим смертным шествием Своего Божественного Сына, и Она слышала в глубине души Своей, в глубинах веры Своей, слово Христово: “Не плачь!”» (Митр. Сурожский Антоний [12]). Мне трудно писать о Ней, слишком Она недосягаема. Но мы знаем, что на Ее глазах умирал тяжелой смертью Ее единственный ребенок, которому помочь Она была не в силах. Пережить это горе Ей, несомненно, помогла бесконечная вера, безграничное доверие к Создателю. Ему Она вручала Своего Божественного Сына и это, я так могу представить себе, поддерживало Ее в дальнейшей жизни. Поэтому я так часто с молитвами обращалась к Богородице; я была уверена, что Ей так понятны мои страдания, Она поможет претерпеть их.

В одной из молитв к Матери Божьей в Православной Церкви есть такие слова: «Ты, все претерпевшая, все преобладающая — все поймешь. Ты, повившая Младенца в яслях и принявшая Его Своими руками со Креста, Ты одна знаешь всю высоту радости, весь гнет горя» [21]. Не берусь подробнее анализировать Ее чувства, так как, повторяю, слишком велика дистанция между нами.

Митрополит Сурожский Антоний неоднократно касался темы Богородицы. Вот как он описывал момент смерти Христа: «Мать стояла у Креста: Ее Сын, преданный, поруганный, изверженный, избитый, истерзанный, измученный, умирал на Кресте, и Она с Ним со-умирала. Многие, верно, глядели на Христа, многие, верно, постыдились и не посмотрели в лицо Матери... И вот, к Ней мы обращаемся, говоря: Мать, я повинен — пусть среди других — в смерти Твоего Сына, я повинен — Ты заступись, Ты спаси Твоей молитвой, Твоей защитой, потому что если Ты простишь — никто нас не осудит и не погубит» (Из проповеди [11]).

Много примеров, направляющих нас принимать потерю дорогих нам детишек со смирением, верой и надеждой на Бога, находим в Библии.

Так, в Ветхом Завете пророк беседует с женщиной, которая говорит, что она «...лишилась плода чрева моего, который носила с печалью и родила с болезнью». «...воздержись теперь от скорби твоей и мужественно переноси случившуюся тебе потерю. Ибо если ты признаешь

праведным определением Божиим, то в свое время получишь сына, и между женами будешь прославлена», — утешал ее пророк. «Оставь великую печаль твою, и отложи множество скорбей, чтобы помиловал тебя Крепкий, и Всевышний даровал тебе успокоение и облегчение трудов» [3 Ездры 10-12, 15, 16, 24].

Примером смирения перед волей Всевышнего может служить царь Давид. Он, во многом угодивший Богу своей праведностью, все же был грешен, как и любой человек. За его грехи постигла смертельная болезнь его малолетнего сына. Долго вымаливал ему жизнь безутешный отец, отказываясь от еды, сна, общения с людьми. Однако ребенок умер. «И сказал Давид: доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло, зачем же мне поститься? Разве я могу возратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне» [2 Царств 12 22, 23].

То же смирение являет нам и Иов, потерявший семерых сыновей и троих дочерей. Его ответом на постигшее испытание было: «...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял, как угодно было Господу, так и сделалось» [Иов 1, 21].

Много примеров подобного же поведения в таких ситуациях приходилось мне встречать у совсем простых людей. Из опыта обыкновенных женщин, с которыми мне довелось говорить, я поняла, что относительный покой и умиротворенность приходят, когда человек принимает случившееся несчастье. Принимает как данность, невозвратность, неизбежность, принимает с доверием к воле Божьей.

Вот два примера из жизни женщин, не знавших друг друга, но испытавших очень похожие состояния.

Одна из них — моя крестная, простая тульская женщина, имевшая маленькую дочь. Девочка, росшая в полуграмотной семье, удивляла всех своей рассудительностью, необычным образом мышления. Читать научилась по газетам сама, что в то время было большой редкостью. Очень боялась умереть. Смерть взяла ее в семь лет, после тяжелой болезни.

Мать не помнила себя от горя. После работы бежала на кладбище и лежала на могилке, часто теряя сознание. Однажды, оплакивая доченьку, она услышала строгий голос: «Что ты здесь плачешь? Девочке твоей хорошо, она играет с цветиками». И сразу собственная мысль — о чем же мне тогда плакать, если ей хорошо? — успокоила тяжкие страдания. Прошло 50 лет. Острая боль улеглась, но слезы еще и сейчас не дают покоя по ночам. Но они уже не такие безнадежные. Ведь ее Лидочке хорошо!

Я решила описать случай со своей крестной после того, как очень похожее прочла в книге «Не ропщите при потере детей». Меня это очень удивило. Там пишут о матери, похоронившей одновременно двоих детей. Она весь день, до ночи плакала на могилке. Ночью ей явился святой мученик Иулиан и сказал: «Зачем, жена, не даешь покоя почивающим здесь... Лучше бы тебе было, если бы сидела дома и плакала о грехах своих: истину говорю тебе: как здесь, когда человек хочет есть, тогда по необходимости дают ему пищу, так и отошедшие в горний мир небесными благами питаются у Христа, и они молят Его, говоря: “Праведный Судия! Лишивши нас земных, не лиши нас небесных”. Слышав это, Афанасия умилилась сердцем, обрадовалась и сказала: “Если дети мои живут на небесах, то зачем же плачу о них?”» [15]. Здесь опять мы видим, что, как только человек смиряется со случившимся, в сердце его приходит успокоение.

Не могу не вспомнить здесь о трагической, но такой достойной судьбе женщины, известной теперь во всем мире, — это мать Мария (Кузьмина-Караваева). Все изменилось в жизни и мировосприятии этой женщины, матери троих детей, со смертью маленькой дочери.

Из ее записок:

«Сколько лет — всегда, я не знала, что такое раскаяние, а сейчас ужасаюсь ничтожеству своему. Еще вчера говорила о покорности, все считала властной обнять и покрыть собой, а сейчас знаю, что просто молиться, умолять я не смею, потому что просто ничтожна... Рядом с Настей я чувствую, как всю жизнь душа по переулочкам бродила, и сейчас хочу настоящего и очищенного пути не во имя веры в жизнь, а чтобы оправдать, понять и принять смерть. И что, оправдывая и принимая, надо вечно помнить о своем ничтожестве...». «...вдруг открылись какие-то ворота в вечность, что вся природная жизнь затрепетала и рассыпалась, что законы вчерашнего дня отменились, увяли желания, смысл стал бессмысленностью... В черный зев могилы летит все: надежды, планы, привычки, расчеты — а, главное, смысл, смысл всей жизни. Если есть это, то все надо пересмотреть, все откинуть, все увидеть в тленности и лжи.

Это называется “посетил Господь”. Чем? Горем? Больше, чем горем — и увидали мы, с одной стороны, мертвый скелет живого, а с другой стороны, одновременно с этим увидали мы животворящий, огненный, все понижывающий и все попяляющий и утолительный Дух.

Потом время — говорят — целитель, а не вернее ли “умертвитель”? — медленно сглаживает все. Душа опять слепнет. Опять ворота вечности закрыты, совершенно не неизбежно вновь ниспадать в будни и в мирное устройство будничных дел, пусть они идут своим чередом, сквозь них может просвечивать вечность, если человек не испугается, не убежит сам от себя, не откажется от своей страшной, не только человеческой, но и Бо-гочеловеческой судьбы. То есть, от своей личной Голгофы, от своего личного крестоношения, вольной волей принятого» [13].

Через десять лет она получила весть о смерти второй дочери. «Очень было тяжело. Черная ночь. Предельное духовное одиночество. Все было темно вокруг, и только где-то вдали — маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть». Такое стихотворение, отрывки из которого я уже приводила в качестве эпиграфов, написала она в то время:

*Не слепи меня, Боже, светом.
Не терзай меня, Боже, страданьем.
Прикоснулась я этим летом
К тайникам Твоего мирозданья.
Средь зеленых, дождливых мест
Вдруг с небес уронил Бог крест.
Поднимаю Твоей же силой
И кричу через силу: Осанна,
Есть бескрестная в мире могила,
Над могилою надпись: Гаяна.
Под землей моя милая дочь,
Над землей осиянная ночь.
Тяжелы Твои светлые длани,
Твою правду с трудом понимаю.
Крылья дай отошедшей Гаяне,
Чтоб лететь ей к небесному раю.*

*Мне же дай мое сердце смирать,
Чтоб Тебя и весь мир Твой принять.*

Через ее записи, стихи мы можем узнать, какая боль терзала ее израненную душу! Однако вот как протоиерей Сергей Гаккель описывает впечатления, производимые ею в то время на людей: «Внешне она держалась с людьми непринужденно: веселая, немного лукавая улыбка часто озаряла ее полное, румяное лицо и оживляла темно-карие глаза. Она охотно общалась с людьми и производила впечатление открытости и прямоты. Только тот, кто узнал ее ближе, мог убедиться, что внутренне, в своем последнем “я” она была непроницаема и одинока, что она бережно таила некоторые мысли и переживания в глубине души и редко их обнаруживала. Среди самых сокровенных переживаний были те, которые касались Гаяны... и первопреставленной Насти...» [13].

Эта сильная, необыкновенно богатая духовно женщина не сломалась под тяжестью таких испытаний. Напротив, она твердо стала на путь, ведущий ко Христу. «Мать Мария шла ко Христу совершенно особенным и в то же время традиционным по существу путем. Это был путь крестный, путь Христов... Смерть унесла двоих ее детей, но от этого материнство ее не уменьшилось, а скорее расширилось, превратилось во всеобъемлющее» (Из вступительной статьи Ильи Соловьева [13]).

Возможно, пример этих матерей поможет нам принять нашу беду смиренно, с молитвой, с надеждой. Если жива в нас надежда, она обязательно поддержит нас! Только надо слышать слово Господне к нам: «Не плачь!» Он не говорит нам «Удерживай свои слезы». Он не говорит нам «Показывай мужество, которого в тебе нет». Он говорит: «Разве ты не видишь Меня, не видишь вечность, разве ты не видишь, что усопший не умер, а уснул? Разве ты не знаешь теперь, что любовь поистине, как смерть, крепка? Разве ты еще не понял, что эта любовь соединяет небо и землю и что уже нет той непроходимой грани, которая была до того, как Божественная любовь обитала среди нас?» (Митр. Сурожский Антоний [11]). Мы надеемся, что деткам нашим хорошо в обителях Бога, уже потому, что знаем: несмотря на всю силу нашей к ним любви, Бог их любит много больше! Мы надеемся, что по окончании нашего земного пути мы встретимся с ними вновь, ведь обещает Библия: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» [1 Фес., 4, 13]. Надеяться призывают нас и Святые отцы: «Разлука у вас только временная» [6]. Потерпим!

Надежда должна опираться на веру, именно в вере она крепка. «Господь ставит перед нами неумолимое требование веры: Брось себя жалеть, брось думать только о себе, брось сосредотачиваться только на своем горе, жизнь свидетельствует, жизнь бездонна, жизнь победоносна, жизнь и теперь не прекратилась ни для нас на земле, которые идем к своей смерти — и могли бы идти к ней с такой светлой надеждой, с таким радостным трепетом ожидания, — ни для тех, которые, наконец, дверью смерти вошли в великий покой Господень», — говорил в одной из проповедей митр. Сурожский Антоний [11].

Ну и, конечно, вера и надежда держатся на нескончаемой любви. Ведь мы сами убедились, что любовь наша нисколько не ослабела с переходом деток в другую жизнь. Уйдя с этой земли, он, наш ребенок, оставил здесь после себя любовь. «Смерть! Где твое жало? ад! Где твоя победа?» [Ос., 13, 14]. Однажды я побывала на могиле мужа своей американской знакомой, семья которой твердо исповедует христианство. На могильной плите, рядом с именем мужа, заранее стояло и ее имя. О них сообщалось самое главное: родители троих детей. При этом я знала, что вырастили они двоих дочерей, сынок же умер, прожив всего несколько дней. Однако его

ранняя смерть не отняла их любви к нему, данному им Богом. Через всю жизнь они пронесли память о нем, по праву считая себя родителями троих детей.

«Пусть наша вера и вообще наша духовная жизнь слабы, но ведь наша любовь к почившим, ведь она-то не слаба; ведь от того и скорбь наша так велика, что велика наша любовь. Так пусть она же, эта наша любовь, выведет нас из мрака скорби. Напряжением нашей любви переступим тот роковой порог, который переступили они, дадим в своей жизни больше места тому, чем они сейчас живут, и постепенно, незаметно наша печаль обратится в радость, которую никто от нас не отнимет» (свящ. Александр Ельчанинов [20]).

Эта смерть должна стать для нас и уроком, на оставшееся для нас здесь время. Христианин «не должен отступать перед страданием: он не должен бессильно коснеть в нем; он должен всем напряжением своих духовных сил пройти сквозь страдание и выйти из него укрепленным, углубленным, умудренным» (свящ. Александр Ельчанинов [20]).

Эта тема прекрасно выражена у митр. Сурожского Антония: «Наша жизнь должна приумножить его жизнь: каждый, кто присутствует на похоронах, должен в своей жизни воплотить то, что он увидел, оценил, понял в жизни, в личности усопшего. И тогда наша земля не только не потеряет чего-то со смертью этого человека, но, наоборот, обогатится жизнью десяти, или сотни, или тысячи людей, которые по его примеру будут жить более благородно, более достойно своего человеческого звания христианина..., и придет время, когда и мы умрем, когда мы станем перед Богом, когда мы вновь встретимся лицом к лицу с тем, кого мы сейчас похоронили. И Христос нас спросит: “Чему вы научились из жизни и из смерти этого человека?..” И если мы сможем Ему сказать: “Взгляни на мою жизнь, Господи, — она вся пронизана светом его жизни и его смерти! все доброе, все благородное, что Ты во мне видишь, — на самом деле принадлежат ему! возьми это от меня — это его слава, это его честь! — как дивна будет эта встреча в любви и благодарности”» [12].

Как близки моему сердцу эти слова! Как часто я пытаюсь мерить свои поступки глазами сына! Как все изменилось для меня с его уходом, и как хочется быть достойной обещанной нам вечной встречи!

Мы, родители, избранные для испытания самым страшным горем, возможным в этом мире, объединяемся вокруг Бога, как беззащитные овцы около пастуха. Мы ждем утешения, защиты. Так Бог посетил нас, он показал нам шаткость всего земного, призывая опереться на Него — Непокколебимого. «Ты любишь Господа, но пока еще мало, а эти страдания показывают, что Бог заботится о тебе, что Он желает большей любви твоей» [1]. Бог нас выбрал для этого испытания, и Он знает, *что* для нас полезно. И уже здесь мы можем увидеть пользу от испытания. Господь открывает нам возможность нового пути в жизни. И, если мы доверимся Ему, выведет нас на путь спасения. «...вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас» [Ин. 16, 22].

10.

*Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня!*
Ф. Тютчев

Эта работа явилась одним из плодов жизни моего сыночка. Был такой мальчик, проживший в этом мире всего 11 лет. Родился он нежным апрельским ростком, таким и оставался все эти годы, несмотря на жесткие порою обстоятельства реального мира, его окружавшего.

Он многое успел здесь полюбить. Любил все живое. Так получалось, что именно он первым находил в саду весенний цветок, летом и осенью всегда знал, где найти грибок. В сентябре, возвращаясь из школы, почти всегда нес «добычу», несмотря на то, что перед ним по этим же дорожкам прошло множество людей. Какие сигналы чувствовала его душа от мира растений? Дома выращивал кактусы. Плакал, когда однажды сестренка по неосторожности уронила на пол горшочек с цветком — чувствовал боль живого! Подобрал на улице бездомного котенка: «Мамочка, давай его возьмем! Он такой нищий!» Сейчас на земле живут его «детки» — кактусы, выращенные им, кошечка, много раз уже побывавшая мамой, — это жизни, сохраненные мальчиком. Видел красоту и в неживом мире. Мог подолгу любоваться рисунками камней: приносил домой много красивых, трогательных камешков. Но более всего в природе он любил небо. Любое — с утренними восходами, с дневной игрой облаков, с динамичными вечерними красками заката... Небо ночное его завораживало. Иногда поздно вечером, возвращаясь из школы, он просил оставить его во дворе, наедине с небом. Что звало его оттуда?

Бог дал ему много всего. Тонкое, нежное личико с голубыми, цвета неба, глазами, тонкую, ранимую душу. Все у него получалось рано — рано начал говорить, совсем не искажая слов; еще раньше выучил буквы, не умея даже ходить толком; к двум годам прочитал букварь. Его первая самостоятельная победа — удачная сдача экзамена в музыкальную школу. Так, с 5 лет, мы узнали об этой стороне его души. Трогательный, музыкальный мальчик был все дни свои — в работе. С первого класса в школе он был постоянным музыкальным оформителем классных концертов, спектаклей, включая в них и свою музыку, сочинять которую начал к шести годам. Его первая пьеса — «Слезы»... Далее пошли более сложные пьесы, которые мы с ним были не в состоянии записать из-за отсутствия музыкальной грамоты. С 8 лет он начал посещать класс композиции; с этого периода все его сочинения сохранены в нотных записях и озвучены на пленке одной из его учителей музыки. Писать музыку он очень любил. Иногда летом, во время игры с друзьями, вдруг все бросал и бежал домой к роялю, проверить звучание сложенных в голове композиций. В минуты печали много импровизировал и брал понравившиеся темы для новых сочинений. Мечтал стать музыкантом.

Но вообще он был обыкновенным ребенком, любившим посмеяться, пошалить. У него было много друзей. В их дружном классе не было человека, плохо к нему относящегося. Первого сентября, через несколько дней после гибели сына, все дети в классе рыдали. Его место было пустым. В школе в те дни висел такой некролог: «...Он был веселый и верный товарищ, талантливый музыкант, композитор нашей школы. Он много раз дарил нам радость и улыбку, заставлял нас смеяться...»

У нас с ним были планы, мечты — мечтал о консерватории, мечтал жениться. («Мам, а где знакомятся с женами?») Мечтал о детках... Его детками остались цветы, музыка, эта работа.

И если прочитанное здесь вам помогло, утешило — знайте: был такой мальчик, в память о котором эта работа состоялась. Помяните и вы в ваших молитвах раба Божьего, отрока Андрея.

Послесловие

Август – время сбора плодов

Не рыдай, Мене, Мати...

Трудно поверить, что прошло уже 13 лет! Тогда казалось, что сумею выдержать лишь несколько дней или, самое большее, недель. А вот – жизнь оказалась возможной и в таком раненом состоянии...

Первые дни и годы училась жить заново, как младенцы учатся ходить. Тяжело бывает дважды в год – в день рождения и в день смерти: в апреле и в августе.

Ах, этот август... Август – еще не осень, но уже почти и не лето. Август – время сбора урожая, сбора спелых плодов. Для меня август – время собирать камни.

Тогда, 6 августа, в Японии, люди просто жили: шли на работу, здоровались, улыбались, строили планы – на вечер, на день, на час... Сразу, в один момент прекратилась жизнь десятков тысяч людей, жителей Хиросимы; многие пошли за погибшими чуть позже... Август – время сбора плодов

Много плодов собрали те американские летчики, выполнившие команду и сбросившие бомбу на город. На город, только проснувшийся, только начинавший жизнь нового августовского дня. На следующий день оставшиеся в живых переживали нечеловеческие муки потери самых родных и близких, муки, не сравнимые ни с какой болью; это боль матерей, потерявших в один миг деток, оберегаемых пуще зеницы ока; это боль любящих, отложивших до вечера примирение с любимыми, это боль деток, оказавшихся беспомощными и беззащитными без внезапно погибших родителей.

Ровно через 50 лет такая же боль оглушила и меня. Для меня настала своя личная Хиросима. В том 45-м году был еще один день – 9 августа, когда потрясенные недавней трагедией родной страны жители Нагасаки испытали всю мощь этих событий на себе. Ровно через 50 лет, 9 августа, я выла и не верила в необходимость хоронить своего первенца, навсегда потерять возможность видеть свое драгоценное беззащитное дитя. Я держала его ручонку, совсем мягкую, живую, с чрезвычайно гибкими пальчиками, которыми было так сложно играть на его любимом рояле, и уверяла собравшихся, что это просто сон, умоляла еще раз проверить зеркальцем его дыхание. Ах, нет! Никогда ты, сыночек, не спал так беспробудно крепко! Это было совсем иное, совсем дотоле мною не испытанное – это и был тот осенний, августовский сбор плодов – спелых плодов, как сотнями собирались плоды Нагасаки и Хиросимы 50 лет до того... И тогда матери тоже не могли поверить в безвозвратность момента, в невозможность возвращения в прежнюю жизнь.

Август – время сбора плодов.

Мы тебя уложили в маленький гробик, мне пришлось отпустить твою широкую и мягкую, музыкальную ладошку, которая больше уже никогда не коснется клавиш, позволить закрыть тебя крышечкой и опустить твою уютную, последнюю постельку на дно этой ямы, ставшей для меня отныне самой святой частью всей нашей бесконечно огромной планеты. Новые туфли, белая рубашечка, бабочка – ты ушел, как на сцену, в то измерение, без времени и расстояния.

Август – время сбора плодов.

...Я пожинала плоды своих преступлений; закончилось время разбрасывания камней, пришла пора их собирать. Вот уже тринадцать лет я пытаюсь это делать. Ах, как это нелегко, сыночек. Их много, все они разные – и большие, и маленькие. Мне их надо увидеть и собрать туда, где они смогут искупиться. Не все легко увидеть; некоторые тащу к той куче, а они выпадают вновь, рассыпаются на мелкие кусочки, и мне их надо опять отыскать и собрать. Порой опускаются руки, эта расплата кажется невозможной. Знаю, что, если их не собрать, – не встречу тебя Там, куда ты ушел раньше меня. Тогда охватывает отчаяние, беспомощность... Я тебя всегда, еще до рождения, называла своей звездочкой. Ты и сейчас, вернее, сейчас больше, чем когда-либо, освещаешь ту дорожку, по которой мне нужно ступать с грузом своих камней. Ты от меня ждешь правильных шагов, и я пытаюсь их делать. Прости, что иногда ноги опять поворачивают в ямы! Я боюсь так и не дойти до тебя.

Август – время сбора плодов.

7 августа ушел из жизни Александр Блок, Константин Сергеевич Станиславский, Анатолий Дмитриевич Папанов, Михаил Евдокимов. Совсем рядом с этой датой, тоже в августе, не стало Дмитрия Шостаковича, митрополита Сурожского Антония, да и Александр Солженицын покинул мир тоже в начале этого «урожайного» месяца.. Для чего мне эта статистика? Не знаю, но мне хочется увидеть какую-то систему, какой-то смысл ухода людей в общий для них день. Милый мой, а Матерь Богородицы, св. Анна, днем успения которой тоже считается 7 августа? Что стоит за всеми этими «совпадениями»? Ты уже знаешь? Дитя мое, первенец мой, прости за все мои неправды; я стараюсь исправляться, я стараюсь быть хорошей, не хочу подводить тебя, мою звездочку, мою свечку перед Господом. Когда-то и меня положат в место последнего упокоения. Очень надеюсь, что это тоже будет в августе, во время сбора спелых плодов, что я сумею «поспеть», что я смешаюсь в прахе с тобой, так же крепко, как мы были крепко связаны до твоего рождения, как были, и очень надеюсь, что и есть, мы крепко связаны духовными нитями.

Август – время сбора плодов...

Что удалось понять за эти долгие, трудные годы? Что любовь и в самом деле сильнее смерти. Ни один из этих тесных дней не прошел без мысли, без воспоминания о тебе, мой сынок, без обращения к тебе. Ты со мной всегда. Недавно в журнале «Дорога вместе» (№3 за 2007 год) прочла статью, заканчивающуюся «Пожеланием родителей, утративших ребенка». Они относятся к тем нашим близким, которые общаются с нами после трагических событий. Это ведь так непросто – найти верный тон и нужные слова! Ах, как мне понятны эти пожелания!

Не могу их здесь не привести:

1. Я хочу, чтобы мой ребенок жил, хочу получить его обратно.
2. Хочу, чтобы ты не боялся произносить имя моего ребенка. Мой ребенок существовал, он был очень важен для меня. И мне важно услышать, что он был ценен для тебя.
3. Если я плачу, когда ты говоришь мне о моем ребенке, знай, что плачу не оттого, что ты меня ранишь. В такие минуты я вижу, что ты помнишь его, я чувствую твою заботу. Причина моих слез – это смерть моего ребенка. Ты заговорил о моем ребенке и позволил мне поделиться своей печалью. Спасибо тебе за это!
4. Мне не хочется, чтобы ты вторично убивал моего ребенка, убирая из своего дома его фотографии, рисунки, памятные вещицы.
5. Скорбящий родитель не заразен, поэтому не избегай меня! Я нуждаюсь в тебе сейчас больше, чем когда-либо.
6. Мне нужно отвлечься, и я хочу знать, как у тебя идут дела, но хочу, чтобы ты и меня послушал. Я могу предаться печали, могу заплакать, но позволь мне говорить о моем ребенке – это моя любимая тема.

7. Я знаю, что ты много думаешь и молишься обо мне. И знаю, что смерть моего ребенка – это и твое горе. Скажи мне об этом по телефону, напиши мне или просто обними меня.
8. Мне хочется, чтобы ты не ждал, что через полгода мой траур закончится. Первые месяцы для меня особенно болезненны. Но я хотела бы, чтобы ты знал, что моя скорбь не окончится. Я буду тосковать о моем ребенке до последнего дня моей жизни.
9. Я действительно хочу залечить свою рану. Но хочу, чтобы ты понимал, что она никогда полностью не заживет. Я всегда буду тосковать о моем ребенке и грустить о том, что его нет в живых.
10. Не хочу, чтобы ты меня уговаривал «не думать о нем» или «быть счастливой». Я долго-долго не смогу оправдать таких ожиданий.
11. Мне не хочется быть «объектом жалости», но позволь мне все же оставаться грустной. Прежде, чем я вылечусь, это должно переболеть.
12. Хочу, чтобы ты понимал, что моя жизнь рассыпалась в прах. Знаю, что мое присутствие в таком состоянии тебя тяготит. Прошу тебя, наберись терпения в отношении меня такой, какая я есть.
13. Когда я говорю: «У меня все нормально», я хочу, чтобы ты понимал, что мне плохо, а каждый день – это попытка примириться с тем, что моего ребенка нет.
14. Хочу, чтобы ты знал, что все мои реакции, связанные со скорбью, нормальны. Можно ожидать депрессии, злости, всепоглощающего чувства безысходности и тоски. Пожалуйста, прости, что я порой затихаю и «выключаюсь», а порой, наоборот, возбуждаюсь и даже прихожу в ярость.
15. Ты правильно советуешь «жить день за днем» и так измерять время. Но сейчас день для меня – это слишком долго и слишком быстро. Мне важно знать, что я справлюсь с ближайшим часом, и так – за часом час.
16. Предложи мне съездить как-нибудь на кладбище, зажечь свечу, помолчать немного. Не часто, хоть иногда. Дай мне знать, что ты помнишь.
17. Не говори мне: «Ты молода, у тебя еще будут дети». Может быть, мне еще не раз доведется радоваться новому ребенку. Но пока я должна оплакать того, который ушел. Никакой другой ребенок его не заменит.
18. И самое главное: вспоминай иногда о моем ребенке. Не притворяйся, что его не было. Слова меньше ранят, чем упорное молчание о нем».

Да, это правда, вот этого-то так хочется нам, осиротевшим матерям. Наверное, поэтому мне так дорог конверт с письмом, оставленным на могиле сына:

«Прости, что не смогла прийти раньше, – сам ведь знаешь, что некогда, да и боязно как-то. Я чувствую, что ты наблюдаешь за мной сверху, и мне так часто становится стыдно за поступки именно перед тобой. В последние два года я так часто о тебе вспоминаю. Не знаю, почему, но мне до сих пор не верится, что это произошло с тобой. Иногда кажется, что ты живешь себе где-нибудь тихонечко и не знаешь, как мы все страдаем. И ведь действительно, тебя все помнят и до сих пор любят. Когда ты ушел, я поняла, как много ты для меня значил, да и, наверное, я поняла это только сейчас, когда подросла. Ты знаешь, даже не верится, что десятый класс, что мне уже 16, да и тебе тоже. Интересно, встретится мне в жизни такой человек, как ты: глубокий, добрый и чистый. Рядом со мной еще не было таких людей. Но ты же знаешь, что ждет меня впереди. Я бы очень хотела, чтобы ты был моим ангелом-хранителем. Кто, как не ты, сможет уберечь меня от глупостей!

В последнее время, как только вспоминала о тебе, сразу дрожали руки, слезы капали. Почти все лето проревела. Я знаю, что ты не хотел бы этого, но так само получается. А сейчас успокоилась: думаю, что тебе на небесах лучше и ты там – самый хороший ангелочек. Ну вот, опять разревелась. Я, может, и смогла бы забыть все это, но эти воспоминания –

единственное, что у меня осталось от тебя.

Ты прости меня за очередную глупость, за это письмо. Я просто бы не смогла все это высказать. Просто не пойму этой жизни, не пойму себя, Господа, Его несправедливости. Только очень прошу не обижаться на мои слова. Я тебя очень люблю».

Это письмо взяла я и переписываю его без разрешения автора. Но я бесконечно благодарна за эти строки, найденные мной в цветах могилы. Значит, не зря прошли эти одиннадцать коротких лет моего сына, он оставил след не только в моей душе. Спасибо вам, всем, кто помнит наших детей. Любовь – сильнее смерти!

Библиография

Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., «Библейские общества», 1996.

1. Голос любви скорбному сердцу. Изд. «Правило веры», 1996.
2. Об искушениях, скорбях, болезнях и утешение в них. М., «Паломник», 1994.
3. Смерти нет. Минск, «Свиток», 1994.
4. У Бога все живы. М., 1995.
5. Архиепископ Иннокентий Херсонский. О грехе и смерти. М., 1996.
6. Святитель Феофан Затворник. Болезнь и Смерть. М., 1996.
7. Святитель Феофан Затворник. Три слова о несении креста. М., 1996.
8. Три слова: обидимым, обидящим, скорбящим. М., 1995.
9. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. СПб, 1995.
10. О путях Промысла Божия в жизни человеческой. Архиепископ Иннокентий. М., 1996.
11. Антоний. Митрополит Сурожский. Проповеди и беседы. М., 1991.
12. Митрополит Сурожский Антоний. Беседы о вере и Церкви. М., 1991.
13. Протоиерей Сергей Гаккель. Мать Мария. Paris, YMCA-PRESS, 1995.
14. Александр Добровольский. Десять мин. М., Самиздат, 1961.
15. Не ропщите при потере детей. М., «Паломник», 1996.
16. Очевидцы бессмертия. М., Фаир, 1995.
17. Андрей Кураев. Все ли равно, как верить. Клин. «Издательство братства святителя Тихона», 1994.
18. «Православный церковный календарь», 1993.

-
19. Исповедь. Митрополит Антоний (Храповицкий). М., «Даниловский благовестник», 1996.
 20. Священник Александр Ельчанинов. Записи. Изд. Сретенского монастыря. 1996.
 21. Молитвослов. Правило ко Причастию. Молитвы за ближних. Молитвы на всякую потребу. М., 1995.